Мать улучшила свои навыки до ужасающей степени.

Несмотря на то, что большая часть работы была переложена на неё, она писала, как демон. За два года, что мы не виделись, она каким-то образом стала ещё лучше. Она работала без остановки в течение недели, которую мы провели в лаборатории. Мне, как бессмертному, сон был не нужен. Но ей?

Она предпочитала работать через силу.

Я наблюдал как она работает, под её глазами образовались глубокие мешки. И всё же, под усталостью, в её взгляде был свет, который горел так же ярко, как в тот день, когда мы начали экспериментировать. Даже после недели работы он не дрогнул. Её стремление не уменьшилось, не ослабело и не угасло.

Я полагаю, что она просто такая. Мама процветает под давлением. Она всегда была такой, погружалась в работу и забывала, как выплыть обратно. В своей стихии ей не нужно дышать. Похоже, ей даже не нужен отдых.

В течение недели, пока мы проводили эксперименты, она почти не ела. Она не спала. Энергетические тоники засорили пространство вокруг неё. Халкин несколько раз заходил проведать нас, но мама свирепо смотрела на него, пока он не оставлял нас в покое. Видя, как я работаю без отдыха, она, казалось, зажгла что-то внутри себя - чувство соперничества. Проявление гордости за товарища по ремеслу. Я не потрудился сказать ей, чтобы она сбавила темп. Нет, она бы не послушалась, даже если бы я сказал.

Под личиной Ашрана, мастера, я чувствовал себя не дальше от неё, чем в детстве. Просто так сложились наши отношения. Мы были скорее коллегами, чем матерью и сыном.

И сейчас, работая вместе, этот факт стал для меня ещё более очевидным.

«Этот не работает,» - пробормотала она, обратив ко мне свои налитые кровью глаза. Она передала мне бумагу, над которой работала. «Потенциальная летучесть этой смеси слишком рискованна. Пересмотрите формулу. Натреля недостаточно, чтобы погасить положительную энергию при активации.»

Я взял лист, вычеркнув целый раздел массивной гипотезы. Я передал матери стопку бумаг, каждая из которых касалась более редких сплавов и металлов. Иридэс. Голубая сталь. Огненное золото.

«Это самые сильные стимуляторы, которые я нашёл на данный момент.»

«Насколько высоко по шкале?»

«В среднем в тринадцать раз выше эффективности алмазной пыли. Мутативный, укрепляющий и взрывной соответственно.»

Мать кивнула и взяла листы: «Если мы сосредоточимся на мутативном свойстве, мы сможем создать яд, к которому не сможет приспособиться порча. Сосредоточьтесь на иридэсе и найдите способ сфокусировать его действие, когда он превратится в раствор.»

Я моргнул. Моё перо перестало выводить формулы на странице, и я встал, направившись прямо к материалам, расставленным рядами вдоль полок. Мать нахмурилась и повернулась, наблюдая за мной.

«Что вы делаете?» - спросила она. «Мы ещё не закончили подготовку к очередному циклу работы. Ещё слишком рано экспериментировать с этой партией.»

Я проигнорировал её вопрос, собирая материалы в свои руки. Три пузырька ртути, кристалл положительно заряженной маны и тонкие листы сусального золота. Вместе с несколькими активационными компонентами я вернулся к столу и разложил их на железной пластине. Я передал компоненты матери.

«Приготовьте смесь для активации третичного свойства ртути. У меня есть идея.»

Мать нахмурилась, глядя на материалы, но согласилась. Она принялась за работу, а я начал выливать ртуть на железную пластину. Жидкий металл скапливался, собираясь в центре. Я раздавил пестиком крошечный кристалл маны в пыль, когда мать вернулась с пузырьком, наполненным густым белым паром.

Я указал на пластину: «Активируйте её.»

Кивнув, она вылила газ на ртуть, и серебристая жидкость тут же потеряла цвет. Она стала поразительно белой, как кость. Я наблюдал, как ртуть начала затвердевать снизу-вверх, словно собираясь превратиться в твёрдый металл. Но я ещё не закончил. Я посыпал на неё пыль, изменив её, противопоставив отрицательный заряд стимулирующему. Ртуть впитала пыль и начала двигаться. Сначала это были медленные, дёргающиеся движения. Всего лишь несколько подергиваний жидкой смеси. Но вскоре эти подёргивания превратились в томные вибрации, волнообразно расходящиеся от центра. Пинцетом я оторвал несколько кусочков от золотых листов и бросил их на края железной пластины.

Ожившая металлическая слизь потекла к ним, пожирая золото. Ассимилируя его и превращая в пластины амальгамы, которые растеклись по всему объёму слизи.

Как только она увидела это, глаза матери расширились.

«Разумное оружие...» пробормотала она, её глаза блестели, когда она смотрела на ртуть. «Если мы сможем внедрить эти эффекты в мутирующий ассимилятор, а затем дать ему возможность размножаться и распространяться - вот оно. У нас получилось.»

Она повернулась ко мне, и её усталое, морщинистое лицо озарилось улыбкой.

«Отличная работа,» - сказала она, но я мог только ошеломленно смотреть на неё. Ни разу в жизни я не видел, чтобы мама улыбалась. До сегодняшнего дня. Она подняла руку, протянув её мне: «Возможно, это тот прорыв, который нам нужен. Вы оказали мне неоценимую помощь, мастер Ашран. Могу ли я рассчитывать на ваш опыт, чтобы помочь мне усовершенствовать его дальше?»

Я уставился на её руку. Она протянула её мне, признавая меня. Просив меня пожать её руку.

Тишина заполнила воздух между нами.

Мать держала её неловко, оставив руку висеть. Она колебалась. Начала отдёргивать её.

Пока моя рука не двинулась сама собой.

Я пожал руку матери, и её улыбка вернулась.

И на мгновение мне захотелось тоже улыбнуться.

«Я рад, что смог помочь,» - сказал я, моё сердце билось о грудную клетку в странном чувстве приподнятого настроения. Ощущение было новым. Странным. Я смотрел на мамину улыбку, и ребёнок во мне наконец-то почувствовал себя признанным. Как будто меня впервые в жизни одобрили. Теперь я смотрел на неё - по-настоящему смотрел. Впервые за почти три года.

И моя улыбка дрогнула, когда я понял.

Мама теперь была другой.

Она была худее.

Мать в моих воспоминаниях была маленькой женщиной, но здоровой. Стройной, но никогда не худой. Теперь это было не так. Сейчас она казалась такой хрупкой по сравнению с тем, что было раньше. Такой слабой. Морщины на лбу, глубокие мешки под глазами, сморщенные волосы - она выглядела так, будто постарела на десятилетия за то время, что её не было. Если её образ жизни в течение целых двух лет, был таким, то неудивительно, что она выглядела такой старой.

Каково это - работать вдали от нас? Заниматься поиском лекарства от рака отца, работать на дом Саммерски, спасать целые регионы от неконтролируемых разломов...

Я мог только представить, что это может сделать с человеком.

При всём том, что я презирал её выбор покинуть нас, часть меня начинала болеть смотря на неё. Она больше не была штормовым ветром, свободным, как бриз. Она была шёпотом ветра. Медленно угасающим. Спускающимся по склону над травой, вместо того чтобы взмыть над облаками - вялым, слабеющим.

Мать была стара. Как и отец.

Я начал осознавать этот факт только сейчас.

Но в отличие от меня, мать, казалось, не осознавала свой возраст. Она не хотела признавать, насколько хрупкой она стала. Старуха передо мной потянулась за ручкой и свежим листом бумаги, но я заметил, как она слегка пошатнулась, когда села.

Она едва держалась на ногах.

Удивительно, что она ещё не упала в обморок.

Я встал рядом с ней и нахмурился, глядя на список материалы, которые она начала писать на пергаменте. «Вы не спала уже три дня. Может, вам стоит отдохнуть, раз уж мы добились успеха? Ваша семья будет беспокоиться, если вы будете работать без продыху, мисс Киндлбрайт.»

Мама покачала головой и отмахнулась от моих опасений: «У нас есть инициатива. Разве мы не должны воспользоваться ею как можно скорее? Всё измерение пострадает, если я отдохну. Каждая потерянная секунда - это ещё одна миля порчи на земле.»

«Работать с умом, одурманенным усталостью, опасно.»

Она подняла бровь: «Я не делаю ошибок.»

Я покачал головой: «Как алхимики, мы оба знаем, как мало нужно, чтобы это изменилось. Отдохните. Ваш муж должно быть постоянно беспокоиться о вас, если вы живёте таким образом. Как ваша семья может быть счастлива, если вы такая?»

При упоминании об отце я увидел, как мать напряглась. Она отложила ручку и резко взглянула на меня: «Обсуждать мою личную жизнь на работе – не подобает вам, Ашран. Кто вы такой, чтобы судить о моём браке? Моей семье? Я ожидала большего профессионализма от человека вашего уровня. Хватит разговоров. Я больше не буду это обсуждать.»

Вопрос почти заставил меня рассмеяться, если бы он не вывел меня из себя. Кто я такой?

Предки, я её сын. И я знаю, что она об этом не подозревает. Но это мало уменьшило то чувство разочарования, с которым я прожил всю жизнь — это не уменьшило негодование, которое я испытывал к отцу и себе, тем кто постоянно давал ей повод поступать так, как она хотела. И ради чего? Чтобы она убила себя горой работы?

Я опустил руку на стол, не дав её ручке писать дальше. Это было неправильно с моей стороны - это противоречило персонажу, которого я играл. Это противоречило цели моего плетения. Но все же я сделал это. Мама подняла голову и оскалилась.

«Что ты делаешь?»

«Это то, что я должен спросить у тебя,» - ответил я, глядя на неё сверху вниз, изо всех сил стараясь сохранить свою маску. «Ты хоть представляешь, через что ты его заставила пройти?»

«О ком, во имя предков, ты говоришь?»

«О твоём муже, бесчувственная старуха,» - прорычал я и почувствовал, как затрещала невидимая нить. Моё плетение исказилось, но всё же я продолжил. «О ком ещё я могу говорить? Ты знаешь, как он выглядит, когда тебя нет рядом? Сколько он сидит у двери, ожидая и надеясь, что ты вернёшься домой к ужину?»

«Ты говоришь так, как будто знаешь его.»

«А ты ведёшь себя так, как будто не знаешь.»

Мать нахмурилась, как будто смотря на головоломку, которую не могла собрать. На головоломку, в которой есть один шальной, неправильной формы кусочек. Она уставилась на меня, её рот открылся. Затем закрылся. Мать покачала головой и нахмурилась: «Кто ты, Ашран? С кем я говорю?»

Её сомнения только усугубили ситуацию. Моё плетение начало распутываться, даже несмотря на его неестественную прочность. Даже свобода, которую оно мне давало, не могла устоять перед таким вниманием. Поэтому, пока она было на мне, я собирался высказать своё мнение. Так же, как я сделал это с Вивиан. Я сжал кулаки, и бумага под моей рукой смялась. Порвалась. Я посмотрел матери в глаза и сказал.

«Ты говоришь с человеком, который видел, как он не спит, чтобы дождаться жены, которая не вернётся. Ты хочешь знать, кто я? Я человек, который поддерживал его жизнь, пока ты играла в лекаря с дворянами - ты смотришь с ребёнком, который ел порцию ужина, который он всегда готовил для тебя, просто чтобы он не грустил, глядя на остатки.»

При этих словах половина моего лица отслоилась. Моя маска разорвалась, разделив моё лицо

на две части. Одна сторона - Роуэн, другая - Ашран. На полпути между маскировкой и реальностью. Мать застыла на месте. Она побледнела, глядя, как распутывается плетение.

«Ты не знаешь этого, но ты не спасла его жизнь вовремя,» - сказал я, и каждое слово разрывало моё плетение, пока ничего не осталось. И всё же я стоял перед матерью, едва держась за свою смертность. И всё из-за маленького кусочка в центре моего существа - части Имени, тени смертной жизни. Я отошёл от неё и прорычал: «Ты понимаешь это? Ты опоздала, мама. Единственная причина, по которой он жив - это я, а ты даже не знаешь, кто я.»

«Нет,» - прошептала она, её голос дрожал. «Это неправда. Я знаю тебя. Но почему я не могу увидеть твоё лицо? Почему я не могу вспомнить твоё имя?»

Я покачал головой: «Потому что я отдал его, чтобы спасти человека, которым ты до сих пор не научилась дорожить.»

И это всё, что нужно было сказать. Даже спустя столько времени проблема оставалась всё той же. Я просто слишком поздно понял, что больше не хочу утруждать себя её решением. Я просто очень устал, я снова вспомнил, почему я больше не хотел иметь с ней ничего общего. Я шагнул мимо матери и сунул своё Имя внутрь, в темноту, спрятал его там, где она не могла его увидеть.

Я покинул смертный мир, и мир снова стал серым. Элана повернулась, чтобы дотянуться до меня, но ухватилась лишь за пустоту. Я наблюдал, как она ищет меня. Я увидел, как она терпит неудачу.

Невидимый, я отвернулся и вышел за дверь. Она закрылась за мной со щелчком.

Я вздохнул и остановился, пройдя всего несколько шагов по коридору, внезапно опустошённый. Уставший. Я почувствовал, что мои ноги подкашиваются, и, издав судрожный вздох, опустился на пол, прислонившись к стене. Я понял, что мои руки дрожат. Меня тошнило, я онемел и был лишён всякой энергии.

«Гниль предков, я просто хотел вернуться домой,» - пробормотал я, закрывая уставшие глаза. «Почему это должно быть так трудно?»

Я сидел так один, чувствуя себя очень усталым. Очень одиноким.

Но это продолжалось недолго.

Из коридора послышались шаги. Они остановились, и кто-то сел рядом со мной и уставился на меня. Теплая рука легла мне на голову. Она погладила мои взъерошенные волосы, долгими, нежными поглаживаниями. Ощущение было успокаивающим. Знакомым, но в то же время во многом другим.

Я открыл глаза и увидел незнакомую девушку. Но одного взгляда в её глаза мне хватило, чтобы понять, кто она.

Только один человек смотрел на меня так, как она. Аами улыбнулась.

«Хочешь обняться?»